

ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ

DOI 10.37386/2305-4077-2025-4-21-29

Ю. В. Прокопчук¹

Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва, Россия)

ПАРАДОКСЫ «ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА»: Ч. БЕККАРИА, И. КАНТ И Л. ТОЛСТОЙ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

В статье рассматривается трактовка смертной казни Ч. Беккариа и И. Кантом в свете концепции общественного договора, а также восприятие высшей меры наказания Л. Толстым. Обосновывается мысль о том, что Толстой, не разделявший концепцию договорного происхождения государства, защищал религиозно-метафизические представления о единстве всего живого и идею об абсурдности смертной казни, которая по своей сути является самоуничтожением.

Ключевые слова: Ч. Беккариа, И. Кант, Л. Толстой, смертная казнь, общественный договор, юриспруденция, религия, государство, право

Yury Prokopchuk

The State Museum of Leo Tolstoy (Moscow, Russia)

PARADOXES OF THE “SOCIAL CONTRACT”: C. BECCARIA, I. KANT AND L. TOLSTOY ON THE DEATH PENALTY

The article examines the interpretation of the death penalty by Charles Beccaria and I. Kant in the light of the concept of a social contract, as well as the perception of capital punishment by L. Tolstoy. The article substantiates the idea that Tolstoy, who did not share the concept of the contractual origin of the state, defended religious and metaphysical ideas about the unity of all living things and the idea of the absurdity of the death penalty, which is essentially self-destruction.

Keywords: C. Beccaria, I. Kant, L. Tolstoy, death penalty, social contract, jurisprudence, religion, state, law

¹ Юрий Владимирович Прокопчук – кандидат исторических наук, заведующий экспериментально-методической службой Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва, Россия). E-mail: prokopchuk17@mail.ru.

XVIII век в значительной степени изменил сознание людей, сделав актуальным обсуждение тех вопросов общественной жизни, культуры, религии, морали, которые ранее не входили в орбиту открытой полемики и дискуссий. Более того, изменился сам ракурс восприятия общественных проблем. Выход на первый план идей и представлений о свободе человека, естественном и гражданском состоянии, правах и обязанностях гражданина поневоле предполагал ведение полемики о самом существе социальных реалий, правомерности, логичности и законности применения тех норм общественной жизни, которые ранее считались незыблемыми.

Существенно меняла восприятие самых разных аспектов взаимоотношений человека и общества концепция «общественного договора». Сама по себе идея договорной природы всех общественных отношений подталкивала к умопреломлению граждан, ревизии устоявшихся типов социальных контактов, взаимодействия общества и государства, всей правовой системы, которая, согласно новым идейным веяниям, также являлась продуктом добровольного перехода от естественного к гражданскому состоянию.

Одна из юридических норм, часто подвергавшихся сомнению в эпоху Просвещения, – смертная казнь. Вопрос об отмене смертной казни обсуждался не только философами, публицистами, но также был предметом рассмотрения на уровне глав государств. Несомненное влияние на общественную мысль той поры оказало сочинение Чезаре Беккариа «О преступлении и наказании» [Беккариа, 1995]. Итальянский мыслитель был последовательным противником смертной казни, обозначив в своей книге все основные аргументы, направленные против «высшей меры социальной защиты».

Одним из противников позиции Беккариа стал, как это ни странно, выдающийся немецкий философ Иммануил Кант. Исследователи уже останавливались на полемике Канта с Беккариа по этому вопросу, обращая внимание и на формально-юридические, и на моральные аспекты проблемы [Слинин, 2003; Перов, 2022] и др. Что любопытно, данный вопрос – о существовании смертной казни – до сих пор имеет яркий общественный резонанс, связан с социальными реалиями эпохи и периодически обсуждается в печати, что, безусловно, подогревает интерес к спорам мыслителей давно ушедших эпох.

Обращает на себя внимание тот факт, что в «Метафизике нравов», в первой части масштабного сочинения, посвященной праву, Кант, разбирая этот вопрос, останавливается на одном-единственном аргументе Беккариа, который связан именно с его общественными взглядами, с концепцией общест-

венного договора. Этот аргумент является строго-логическим возражением на крайнюю юридическую меру. Кант, говоря о взглядах своего оппонента, писал: «А вот маркиз Беккария из участливой сентиментальности, проистекающей от аффектированной гуманности, выдвинул, напротив, утверждение о *неправомерности*² любой смертной казни на том основании, что такое наказание не могло содержаться в первоначальном гражданском договоре; ибо тогда каждый в составе народа должен был бы согласиться на лишение жизни самого себя, в случае если он убьет другого (из состава народа); но такое согласие невозможно, так как никто не может распоряжаться своей жизнью. Все это – софистика и крючкотворчество» [Кант, 2014, с. 371–373]. Таково мнение Канта. В том фрагменте, который разбирает немецкий философ, Беккария, рассматривая это наказание в свете заключенного когда-то общественного соглашения, приводит два аргумента против существования смертной казни. Один апеллирует к разуму и логике. Мыслитель вопрошают: «Каким образом малая толика собственной свободы, данная каждым ради общего блага, сделала возможной жертву величайшего из всех человеческих благ – жизнь?» [Беккария, 1995, с. 168]. Т. е. заключение общественного договора не могло быть причиной существования смертной казни, между тем вся государственная, правовая система, определяющая существование этой меры, функционирует, согласно этой концепции, лишь благодаря добровольному соглашению граждан. Другой аргумент Беккария относится к области религии и связан с запретом на самоубийство: «Но как в таком случае примирить этот принцип с другим, запрещающим человеку лишать себя жизни, в то время, как он должен был бы иметь право на самоубийство, если мог уступить его другому лицу или целому обществу?» [Беккария, 1995, с. 168]. Таким образом, пытаясь связать смертную казнь с общественным договором (а это неизбежно, если мы признаём договорную теорию происхождения государства), итальянский мыслитель приходит к логически обоснованному выводу о том, что договор не мог быть положен в основу установления и применения подобного наказания. А раз так, то смертная казнь не связана с правовой системой, это произвол власти: «Смертная казнь не является правом и не может быть таковым. Это – война государства с гражданином в тех случаях, когда оно считает полезным и необходимым лишить его жизни» [Беккария, 1995, с. 168], – писал Беккария.

Оппонент итальянского мыслителя Иммануил Кант тоже разделял теорию договорного происхождения государства. Правда, в «Метафизике нравов»,

² Курсив наш. – Ю.П.

созданной во время кровавых событий Великой французской революции, Кант весьма причудливо, с изрядной долей софистики трактовал концепцию общественного договора и ее последствия. В частности, он крайне негативно оценивал право народа, который является сувереном, на восстание и свержение несправедливой власти [Кант, 2014, с. 323–339]. Но тем не менее, возражая Беккарии, Кант не отрицал общественный договор, а по-своему трактовал систему наказаний, в том числе крайнюю меру – смертную казнь. По мнению Канта, преступник, будучи членом общественного договора, не является собственным палачом при наличии смертной казни: «Не народ (каждый индивид в нем), а суд (общественная справедливость), стало быть, не преступник, а кто-то другой присуждает к смертной казни, и в социальном контракте вовсе не содержится обещание разрешать себя наказывать и таким образом распоряжаться собой и своей жизнью» [Кант, 2014, с. 373].

Таким образом, Кант в «Метафизике нравов», говоря о наказании, обосновывает некие представления об общественном благе, общественной справедливости и защите оных, находящиеся как бы вне договорных условий происхождения государства.

Позиция Канта, обосновывающего наказание исходя не из концепции общественного договора, союза граждан, согласившихся на установление определенных юридических норм, а из понимания «общественной справедливости», выводит нас на качественно иной уровень восприятия общественных реалий. Ибо трактуемые весьма широко «общественное благо», «общественная справедливость», гарантирующие расправу над неугодными членами общественного соглашения, действительно, способны заложить основу для тоталитарного типа общественного устройства, в котором борьба с врагами общества, с врагами народа (т.е. врагами того самого общественного договора, способствующего всеобщему благу) станет нормой общественной жизни.

Тут невольно вспоминается та трактовка «общественного договора» Руссо, которую давал Берtrand Рассел и некоторые другие философы, обществоведы XX века. Они полагали, что концепция общественного договора и заложила основы тоталитаризма и беспощадного истребления инакомыслящих, которое практиковалось в годы террора во время Великой французской революции, а также в эпоху расцвета тоталитарных режимов – в XX веке [см. об этом: Алюшин, 1989]. Думается, что те «коррективы», которые пытался внести автор «Метафизики нравов» в понимание общественного договора, находятся вполне в русле вот такой, чисто тоталитарной схемы, при которой предполагаемое

«общественное благо» не зависит от конкретных участников общественного соглашения.

Что касается толстовской позиции по этому вопросу, то она хорошо известна. Строится она на отрицании не только концепции общественного соглашения, но и всех формально-юридических элементов, нарушающих естественное право человека на жизнь. Толстой, конечно, весьма далек от позиции как Беккарии, формальным сторонником которого он является в этом вопросе, так и Канта. Но если рассматривать позицию Толстого применительно именно к этому вопросу, то мы заметим интересный нюанс, касающийся выяснения персонифицированного источника зла, лишения жизни личности. Любопытно то, что вопрос этот рассматривается весьма часто именно в художественных произведениях Толстого.

Г. Н. Ищук отмечал особую роль искусства в толстовском восприятии жизни. Исследователь писал, излагая позицию Толстого: «Только искусство (а не мораль с ее императивами и “категориями”) может выразить и возбудить крепкие душевые связи между людьми, в лоне которых передаются и сами религиозно-нравственные принципы <...>. Искусство помогает свести этический принцип к его первоисточнику, а потому сделать его более действенным и могучим. Оно оперирует не отвлечеными категориями, а живыми образами и обращается не только к разуму, но и к чувству и даже больше – к каким-то глубинным пластам личности» [Ищук, 1972, с. 214]. Если рассматривать вопрос, связанный с восприятием Толстым смертной казни, то мы убедимся, что он является наглядным подтверждением приведенных выше слов Ищука, ибо именно в художественных произведениях великого писателя его общественная позиция выражена наиболее ярко, глубоко и, главное, убедительно. Зачастую тексты толстовских романов и рассказов дают нам намного больше для выяснения его взглядов, нежели статьи и обращения мыслителя, посвященные данной теме.

Именно в художественных произведениях Толстого наиболее ярко был поставлен вопрос о персонификации злого начала, лишающего жизни человека, о причине и первоисточнике казни: «Кто же это, наконец, казнил, убивал, лишал жизни его – Пьера, со всеми его воспоминаниями, стремлениями, надеждами, мыслями? Кто делал это? И Пьер чувствовал, что это был никто. Это был порядок, склад обстоятельств» [Толстой, 1928–1958, т. 12, с. 40]³. Про Даву, который увидел в Пьере человеке, Толстой написал типично-толстовские, характерные

³ Здесь и далее ссылки даются на Полное («юбилейное») собрание сочинений Л. Н. Толстого с указанием тома и страницы в круглых скобках после цитаты.

для него, великого гуманиста, верящего в добрую природу человека, слова: «Еще бы одна минута, и Даву понял бы, что они делают дурно, но этой минуте помешал адъютант, который вошел» (т. 12, с. 40).

Такую же деперсонализацию столь ужасного действия мы видим в рассказе «Божеское и человеческое» (т. 42, с. 194–227). Всей мощью своего таланта Толстой пытается доказать ужас, трагизм, неестественность самого факта насилиственного лишения жизни человека. При этом практически все герои – от тюремщика и палача до губернатора – все участники злого ужасного действия не испытывают никакой ненависти к казненному Светлогубу. Его казнит именно безличный порядок, совокупность обстоятельств, что как будто бы подчеркивает неестественность и абсурдность совершающего зла, той беспощадной и бессмысленной «войны государства с гражданином», о котором упоминал в своем трактате Беккария.

Но Толстой, описывая этот ужас, воспроизведя жестокую картину казни в Париже, свидетелем которой он был, в «Исповеди» (т. 23, с. 8) и трактате «Так что же нам делать?» (т. 25, с. 190), преследовал, в отличие от итальянского правоведа, отнюдь не общественные цели. Он изучал человека, заглядывая в его душу, изображая глубоко лежащие пласти жизни духовной, изучение которой приводит к выводам, лежащим не в юридической, а в метафизической плоскости.

Согласно толстовской позиции, в основе которой лежит глубоко прочувствоанное представление о единстве всего живого, смертная казнь действительно, как это, кстати, и утверждается в труде Беккарии, является, по сути, самоубийством, самоуничтожением. В письме Толстого Бирюкову от 3 марта 1906 года писатель вспоминал о казни народовольцев, совершивших покушение на императора Александра II 1 марта 1881 года, и своей попытке защитить приговоренных к смерти. Толстой писал: «Я не мог верить, что их казнят, и вместе с тем боялся и мучился за них и за их убийц. Помню, с этой мыслью я после обеда лег внизу на кожаный диван и неожиданно задремал и во сне, в полуслоне подумал о них, о готовящемся убийстве и почувствовал так ясно, как будто это всё было наяву, что не их, а меня казнят, и казнят не Александр III с палачами и судьями, а я же и казню их, и я с кошмарным ужасом проснулся. И тут написал письмо» (т. 76, с. 114). Впоследствии, спустя много лет, похожие мысли прозвучат в рассказе «Ассирийский царь Асархадон»: «Лежа ночью на своей постели, царь Асархадон думал о том, как казнить Лайлиэ, когда вдруг услыхал подле себя шорох и, открыв глаза, увидал старца с длинной седой бородой и кроткими

глазами» (т. 34, с. 126). Этот старец и подсказал царю идею о тождественности жизни Асаходона и Лайлиэ и невозможности казнить своего противника.

Ответственность за казнь, за хладнокровно совершенное зло, согласно толстовскому восприятию, распространяется на всех без исключения людей. Это осознание «всеобщности» происходящего, особой коллективной ответственности, связанной отнюдь не с общественными обязательствами, а с осознанием единства всего живого, постоянно присутствовало у Толстого. Наиболее характерные примеры этого мы найдём, обратившись к черновым вариантам статьи «Не могу молчать». Толстой настолько глубоко воспринимал происходящие тогда казни, что чувствовал свою личную, непосредственную ответственность за творящиеся ужасы: «Ведь все эти творимые ужасы, ведь оправдание их – это я с своей просторной комнатой, с своим богатым обедом, с своей лошадью. Ведь мне говорят, что всё это делается, между прочим, и для меня, для того, чтобы я мог жить спокойно и со всеми удобствами жизни. Для меня, для обеспечения моей жизни все эти высылки людей из места в место, для меня эти сотни тысяч голодных, блуждающих по России рабочих, для меня эти сотни тысяч несчастных, сидящих, как сельди в бочонке, и мраущих от тифа в недостающих для всех крепостях и тюрьмах. Для меня эти полицейские шпионы, доносы, подкупы, для меня эти убивающие городовые, получающие награды за убийства, для меня закапывание десятков, сотен расстреливаемых. Для меня эти ужасные виселицы и работа трудно добываемых, но теперь уже не так гнушающихся этим делом людей – палачей. Не хочу, не могу я пользоваться всем этим» (т. 37, с. 94–95). В те годы Толстой уже давно подверг критике государство и его органы, он отрицал всю правовую систему, он был далек от иллюзорных представлений о якобы существовавшем общественном договоре, положившем начало государственному порядку. Словом, он был убежден в неестественности и неправедности всего происходящего. И тем не менее он все равно чувствовал свою ответственность за все происходящее вокруг, чувствовал неразрывную связь со всеми окружающими, вовлеченными во взаимную борьбу и взаимоуничтожение, свою вовлеченность в общую жизнь, воспринимая окружающий мир через призму представлений о единстве.

Таким образом, Толстой, рассматривая проблему смертной казни с качественно иной – не социальной и юридической, а с религиозно-метафизической стороны, – подошел к вопросу о первопричине зла и лишения жизни личности. Настоящий «общественный договор», согласно позднему Толстому, заключен не между гражданами, вступившими в общественные отношения, а между Богом

и человеком, обязанным соблюдать те установления, которые записаны в его сердце. Зло, направленное против одной личности, неизбежно отражается и на всех остальных членах такого же соглашения. Смертная казнь несовместима с таким «договором» – именно в этом нас и убеждает всё толстовское творчество, искусство великого гуманиста-правдолюбца, которое, по словам Геннадия Николаевича Ищука, всегда обращалось к «глубинным пластам личности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алюшин, А. Л.** Тоталитарное государство в модели и реальности: От Руссо к сталинизму / А. Л. Алюшин // Тоталитаризм как исторический феномен. – Москва: Философское общество СССР, 1989. – С. 162–172.
2. **Беккария, Ч.** О преступлениях и наказаниях / Ч.О. – Москва: «Стелс», 1995. – 304 с.
3. **Ищук, Г. Н.** Социальная природа литературы и искусства в понимании Л. Н. Толстого / Г. Н. Ищук. – Калинин: б. и., 1972. – 237 с.
4. **Кант, И.** Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5: под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой / И.Кант. – Москва: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 1120 с.
5. **Перов, В. Ю.** Моральная природа человека и споры о смертной казни: Кант против Беккарии / В. Ю. Перов // Логико-философские штудии. – 2022. – № 2. – С. 225–237.
6. **Слибинин, Я. А.** Иммануил Кант против маркиза Беккарии / Я. А. Слибинин // Логико-философские штудии. – 2003. – № 2. – С. 387–393.
7. **Толстой, Л. Н.** Полное собрание сочинений («Юбилейное»): в 90 т. / Л. Н. Толстой. – Москва: ГИЗ/ГИХЛ, 1928–1958.

REFERENCES

1. **Alyushin, A. L.** Totalitarnoe gosudarstvo v modeli i real'nosti: Ot Russo k stalinizmu / A. L. Alyushin // Totalitarizm kak istoricheskij fenomen. – Moskva: Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1989. – S. 162–172.
2. **Bekkaria, Ch.** O prestupleniyah i nakazaniyah / Ch. Bekkaria. – Moskva: «Stels», 1995. – 304 s.
3. **Ishchuk, G. N.** Social'naya priroda literatury i iskusstva v ponimanii L. N. Tolstogo / G. N. Ishchuk. – Kalinin: b. i., 1972. – 237 s.
4. **Kant, I.** Metafizika nравов. Ch. 1. Sochineniya na nemeckom i russkom yazykah. T. 5: pod red. B. Tushlinga, N. Motroshilovoj / I. Kant. – Moskva: «Kanon+» ROOI «Reabilitaciya», 2014. – 1120 s.

5. **Perov, V. Yu.** Moral'naya priroda cheloveka i spory o smertnoj kazni: Kant protiv Bekkaria / V. Yu Perov // Logiko-filosofskie shtudii. –2022. – № 2. – S. 225–237.
6. **Slinin, Ya. A.** Immanuil Kant protiv markiza Bekkaria / Ya. A Slinin // Logiko-filosofskie shtudii. –2003. – № 2. – S. 387–393.
7. **Tolstoj, L. N.** Polnoe sobranie sochinenij («Yubilejnoe»): v 90 t. / L. N. Tolstoj. – Moskva: GIZ/GIHL, 1928–1958.